

*А. В. Келлер**

ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЦЕХОВЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В XIX В.**

История ремесленных цехов Санкт-Петербурга XIX в. позволяет проследить динамику не только экономического роста и связанные с этим структурные изменения городского ремесла, но и изменения в социальном положении ремесленников, включая положение женщин-мастериц.

Ключевые слова: цехи, городское ремесло, женщины-ремесленники, мастерские, Санкт-Петербург.

Цитируя авторов XIX в., говоривших о низком социальном статусе женщин на промышленных предприятиях, не следует забывать особый статус цеховых мастеров. Уже в грамоте на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. сказано, что жена умершего мастера наследует его мастерскую и ведет ее дальше. Причем ремесленная управа обязана была предоставить вдове подмастерьев и учеников. Мастер имел право подать ходатайство на определение на полгода в тюрьму подмастерья или ученика, оскорбившего честь его жены или дочери через «запрещенное обхождение» [7. С. 375, 379].

Согласно Городовому положению Петербурга 1846 г., женщины получили право голоса на выборах ремесленного головы, цеховых старшин, членов ремесленной управы и гласных, хотя и с оговоркой: свой голос они могли отдать мастеру, участвовавшему в голосовании. Сами жены мастеров и их дочери, как и прежде, не имели права присутствовать на выборных собраниях мастеров¹.

О повышенном статусе женщины в ремесленном сословии говорит и более высокий процент грамотных среди них (54 %) по

* Келлер Андрей Викторович, доктор философии, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), a.v.keller@urfu.ru.

** Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации, договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1281. Л. 9.

сравнению с разночинцами (46 %), мещанами (38 %), крестьянами и солдатами (26 %) в 1869 г. [1. С. 60] И все же, было далеко еще до достижения равных прав между мужчинами и женщинами в ремесле. О положении женщин в ремесленных мастерских известно немного. Авторы XIX в., посвятившие свои труды описанию женского труда в ремесленных мастерских столицы, сообщали о низком социальном статусе женщин-мастериц. Это находило свое выражение в низкой заработной плате, долгом рабочем дне (до 14 часов), отсутствии профессиональных и корпоративных связей, недостаточном профессиональном образовании [11. С. 10–12; 3].

О подчиненном положении женщины в обществе, где по традиции доминировали мужчины, говорит случай, произошедший в 1850 г. с мастерицами макаронного цеха Евдокией Кубовой и Еленой Петровой. Примечательно, что в ходе работы над множеством архивных материалов было обнаружено единственное дело, в котором упоминаются мастерицы² [12. S. 248]. 28 апреля 1850 г. они подали на имя министра внутренних дел Л. А. Перовского³ прошение, в котором жаловались на попытку «монополизации» производства макаронных изделий булочным цехом и просили запретить его булочникам.

Дело в том, что с конца 1830-х гг. булочный цех небезуспешно пытался внести в свой устав все более широкий ассортимент булочно-кондитерских изделий, благодаря чему захватывал сегменты рынка, принадлежавшие мастерам кондитерского и макаронного цехов. Данная ситуация приводила к конфликтам между цехами. При этом важную роль играл, как бы мы сегодня сказали, административный ресурс, а именно — наличие «связей» в городском магистрате, губернском правлении, канцеляриях генерал-губернатора и министра внутренних дел.

При выяснении истинных причин оказалось, что за подательнымицами прошения стояло характерное для петербургских цехов интернациональное сообщество, состоявшее из бывшего старшины кондитерского цеха в 1830-х — 1840-х гг. Тобиаса Брангера, старшины макаронного цеха Греппи и купца Алексея Лапина. Ко времени подачи прошения Брангер ничем не рисковал, так как продал в 1850 г. свою кондитерскую и занял место эконома во влиятельном Бюргер-клубе столицы. «Его ненависть к булочникам» была общеизвестна, что побуждало Брангера к

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 846. Л. 1, 4–5.

³ Граф Лев Алексеевич Перовский, министр внутренних дел (23.09.1841–30.08.1852).

недружественным акциям по отношению к ним⁴. Вероятно, он никак не пострадал от этой интриги, которая раскрылась по расследованию, назначенному министром. Прошение Бранжера на имя управляющего канцелярией министерства внутренних дел С. С. Ланского⁵ говорит о том, что он имел возможность нейтрализовать негативные последствия данного происшествия, обращаясь к непосредственным чиновникам в аппарате министра. Тем более что известно успешное противостояние кондитерского цеха булочному, когда первому удалось в 1840-х гг. с помощью медицинской полиции и гласных ремесленного отделения городской думы закрыть несколько булочных, в том числе и немецких, в центре города, что было неслыханным делом. По словам мастериц, Бранжер, Грешпи и Лапин принудили их поставить подписи под данным прошением. В этом случае мастерицы сыграли роль прикрытия, оказавшись субъектами манипуляции.

О числе мастериц в ремесленных мастерских в первой половине XIX в. нет точных статистических данных. Принято считать, что во второй половине XIX в. наблюдалась возрастающая тенденция найма женщин на предприятия обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга, на которых в 1869 г. они составляли 25,2 % от общего числа занятых, а в 1885 г. — уже 31,4 % [6. С. 26]. Эти цифры близки к указаниям Н. Женнина о соотношении в 1858 г. женского и мужского труда среди ремесленников — соответственно в 22 % и 78 % [3. С. 526].

Что касается традиционных ремесленных мастерских цеховых мастеров, то и здесь, хотя и в меньшей мере, наблюдалась названная тенденция. Регулярная регистрация женщин-мастериц в традиционном цеховом производстве велась предположительно с 1847 г., после введения годом ранее нового городского положения Петербурга, что позволяет определить положительную тенденцию в росте числа занятых лиц женского пола. Так, в 1866 г. число мастериц в русских цехах составляло примерно 6 % от общего числа цеховых ремесленников, в 1884 г. — примерно 13 %, а в 1891 г. — примерно 17 % [12. С. 491–498, 513], что говорит о росте значения мастериц в русских цехах, не в последнюю очередь благодаря развитию белолошвейных мастерских по пошиву дамского белья и

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 846. Л. 1, 4–5.

⁵ Граф Сергей Степанович Ланской, министр внутренних дел (20.08.1855–23.04.1861). Исполнял обязанности министра внутренних дел в 1851 г., по случаю отсутствия графа Л. Перовского. [9. С. 71].

платья⁶. При этом очевидны структурные изменения ремесленных мастерских, средняя величина которых уменьшается среди булочников и кондитеров с четырех занятых человек на одного мастера в 1866 г. до 1,5 в 1873 г. [12. S. 500].

Этот факт можно было бы истолковать как рост сферы услуг, в которой ремесленные мастерские, или, как бы их сегодня назвали, предприятия малого и среднего бизнеса, стремились к уменьшению расходов за счет более дешевого женского труда с одновременным сокращением числа занятых лиц. И это на фоне роста общего числа занятых в булочном и кондитерском цехах, объединенных ранее в один, в период с 1866 по 1873 гг. с 2047 до 3581 или на 75 % [12. S. 501]. Уменьшение средней величины булочных цеховых мастеров можно отнести также на счет увеличившейся конкуренции со стороны крупных хлебопекарен, таких, например, как пекарни Филиппова, использовавшие паровые машины [8. С. 177–189]⁷.

Все было бы относительно просто в интерпретации событий, подтверждающих общепринятую точку зрения на экономическое развитие столицы, если бы не кризис 1873 г. После «Черной пятницы» 9 мая на Венской фондовой бирже произошел обвал бирж в Европе и США, что привело к затяжному международному финансовому кризису, вызвавшему всеобщий экономический спад в том числе и в России 1870-х гг. [5. С. 78–79]. Но ожидаемого окончательного вытеснения небольших булочных, а также пекарен при мелочных лавках, не входивших в цеха, через крупные производства и продолжения негативного тренда в сокращении средней величины хлебопекарен не происходит: их средняя величина стабилизируется. Они прекрасно сосуществуют с крупными булочными и хлебопекарнями, удовлетворяя потребности разных слоев населения, прежде всего проживавшего в шаговой доступности. Более того, традиционные булочные и хлебопекарни нашли ресурсы для своего развития и роста.

Последствия финансового кризиса достигли ремесленников Петербурга к 1876 г., но реакция ремесла на него оказалась

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1281. Л. 9.

⁷ И. М. Филиппов состоял Поставщиком Двора Его Императорского Величества с 1855 г. В 1864 г. он открыл свою первую булочную в Петербурге, на Невском, 45; другая находилась в доме на Невском, 142 [цит. по: 10. С. 177–189]. Из его рассказов известно, что благодаря развитию железных дорог, продукция его московских пекарен ежедневно доставлялась не только в Петербург к царскому двору, но ранее еще с зимними обозами на санях в глубоко замороженном виде в Сибирь: в Барнаул или в Иркутск, где «подавались на стол с пылу, с жару» [2. С. 354–355].

неоднозначной. В то время как относительно стабильная доля женского труда у булочников, составлявшая до 1875 г. примерно 6 %, стала сокращаться и составила к 1891 г. примерно 3 %, в остальных ремесленных мастерских цеховых мастеров доля женщин, напротив, значительно выросла примерно с 6 % в 1866 г. до 17 % в 1891 г. [12. S. 512–513]. При этом количество мастеров в булочном цехе выросло за тот же период более чем в два раза у вечноцеховых и на 11 % — у временноцеховых, что превышало темпы роста по сравнению с другими цехами. Рост числа подмастерьев и учеников в булочном цехе опережал рост числа мастеров, за счет чего происходило незначительное укрупнение средней булочной или пекарни: если на одного мастера в 1874 г. приходилось в среднем по два подмастерья и ученика, то в 1891 г. — 2,6 [12. S. 504]. Общее число членов булочного цеха увеличилось за этот период на 1/3. И хотя мастерам булочного цеха удалось переломить негативный тренд, средняя величина мастерских по цехам была значительно выше и колебалась в 1866 г. до 1891 г. от трех до четырех сотрудников на одного мастера.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что с резким ростом крупной промышленности Петербурга булочный цех, как и все цеховое ремесло, переживал глубокую трансформацию, но не прекращал своего роста. Ремесленники, занятые изготовлением хлебобулочных изделий, старались приспособиться к изменившимся условиям и найти свою нишу, не в последнюю очередь благодаря механизации и машинизации производства с помощью появившихся к концу века компактных дизельных моторов. Вопрос, ответ на который еще предстоит найти, почему в статистиках ремесленной управы у вечноцеховых мастеров булочного цеха нет ни одного ученика, а только подмастерья? Возможно потому, что в сословии вечноцеховых ремесленников существовала семейственная преемственность, где сын, как правило, наследовал дело отца и, скорее всего, не выводился в статистиках как член семьи. Небольшой процент учеников приходился также, начиная примерно с 1860-х гг., на приходящих учеников, живших в школах-интернатах, но он был несущественным.

Напротив, у временноцеховых мастеров наблюдалось большое количество учеников, что заставляет сделать два предположения. Либо они активно брали на себя обязанность обучения

учеников ремеслу, чтобы готовить для себя квалифицированные кадры, либо они нещадно эксплуатировали детский труд. Говоря о специфике булочного цеха, не следует также забывать, что в его составе насчитывалось 14 видов ремесленников: пекарей белого хлеба (булочников, пекарей ситного хлеба и выборгско-булочное ремесло), саечников, калачников, пирожников, макаронников, кондитеров, пряничников, конфетчиков, кухмистеров, официантов, колбасников или горчичных мастеров.

Обращаясь к изложенным статистическим выкладкам и говоря о женском труде в цеховом ремесле, следует помнить, что жены ремесленников принадлежали к сословию и также учитывались в статистиках. Они могли быть учтены наряду с женами умерших мастеров, наследовавших последним и ведущих мастерскую дальше. Поэтому о реальном участии женщин в производственных процессах можно говорить только приблизительно. Если посмотреть на исключительно мужское кузнечное ремесло, то там тоже имелась, хотя и гораздо меньшая, чем в булочном, доля женщин, а именно: в 1866 г. на 70 мастеров приходилось 64 человека мужского и 6 женского пола среди вечноцеховых и на 231 мастера — 223 души мужского и 8 душ женского пола среди временноцеховых ремесленников. В 1891 г. эта пропорция составляла соответственно 142:11 и 521:35. Среди подмастерьев и учеников наличествовали лица исключительно мужского пола, что и следовало ожидать [12. S. 508–509].

Говоря о женском труде в ремесле, следует также упомянуть о петербургских белошвейных мастерских, обшивавших не только петербургских модниц, но также сбывавших свою продукцию по всей России, не в последнюю очередь благодаря франчайзингу известной в Петербурге американской корпорации «Зингер», занимавшейся производством швейных машинок и давшей сильный толчок развитию швейного и пошивочного ремесла столицы. Не удивительно, что среди ремесленников Петербурга встречалось много иностранных имен, ведь помимо иностранных немецких цехов, многие члены русских цехов имели нерусские корни. Так, на мануфактурной выставке 1861 г. премию получила некая цеховая мастерица по производству корсетов Гюссон [10. С. 76].

Очевидно, что экономический спад 1870-х гг. и последовавший за ним стремительный промышленный рост 1880-х и 1890-х гг. привели к дальнейшей трансформации городского ремесла,

но уже по иным принципам, сказавшимся и на спросе женского труда в этом сегменте экономики. Если доля женского труда в булочном цехе неуклонно росла вплоть до 1875 г., то во время кризиса, а затем с началом промышленного роста конца 1870-х гг. эта пропорция стала сокращаться, в то время как в остальном цеховом ремесле доля женского труда увеличивалась. Возможно, с началом более жесткой конкуренции со стороны крупного промышленного производства в условиях индустриализации, женский труд в булочных и хлебопекарных заведениях цеховых мастеров перестал быть конкурентным преимуществом, что привело к структурным изменениям, нашедшим свое выражение в том числе и в гендерной стратификации цехового ремесла Петербурга.

Не останавливаясь на женском вопросе в ремесле, можно с уверенностью сказать, что кризис и стагнация 1870-х гг. и последовавшее затем бурное развитие крупной промышленности Петербурга не поставили крест на цеховом ремесле, но дали новые импульсы к его дальнейшему развитию.

Библиографический список

1. Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Кн. 2. Ч. 3. С. 33–85.
2. Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 2010.
3. Женин Н. Еще несколько слов о наших ремесленниках // Атеней, журнал критики, современной истории и литературы. Ч. 6. М., 1858. С. 519–526.
4. Карнович Е. П. О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1863.
5. Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М., 2014.
6. Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Т. 2. Л., 1924.
7. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 22.
8. Рогатко С. А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России. М., 1999.
9. Русский биографический словарь, изданный Императорским Русским Историческим Обществом / под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. СПб., 1914. Т. 10.
10. Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862.

11. Ханыков В. Н. К вопросу о женском труде в России. М., 1899.
12. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt a. M., 2002.

Keller Andrei Viktorovich

PhD, senior researcher of the Laboratory of Primary research sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltzin

GENDER STRATIFICATION ON THE EXAMPLE OF GUILD CRAFTSMEN OF SAINT-PETERSBURG IN THE 19TH CENTURY

The history of craft guilds of Saint-Petersburg in the 19th century allows to follow the dynamics not only of economic growth and the structural changes of the town craft connected with it, but also the changes in the social position of craftsmen in the whole and of craftswomen in particular.

Keywords: craft guilds, town craft, craftswomen, artisans, Saint-Petersburg.